

Синто и национализм в Японии (проблема храма Ясукуни)¹

Владимир Васильевич Кожевников,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: v.ronin@rambler.ru

В статье исследуются влияние религии синто на проблемы национализма в Японии и восприятие этого явления в соседних странах, проанализирована реакция Китая и Республики Корея на посещение японскими политическими лидерами синтоистского храма Ясукуни, который считается символом японского милитаризма. Подробно рассматриваются история создания храма и корни традиционного религиозного отношения японцев к почитанию умерших. Предпринята попытка ответить на вопрос, почему японские политики посещают этот храм, несмотря на протесты других государств.

Ключевые слова: японская национальная религия синто, японский национализм, храм Ясукуни, военные преступники, почитание умерших, японский менталитет, отношение японцев к посещению храма Ясукуни.

Sinto and nationalism in Japan (the problem of the shrine Yasukuni).

Vladimir Kozhevnikov, Cand. Sc. (History), Leading Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

The paper analyzes the problem of the influence of the national Japanese Shinto religion to the problems of nationalism in Japan and the perception of this phenomenon in the neighboring countries. Attempts to analyze the reaction of China and the Republic of Korea to visit Japanese political leaders to the Yasukuni Shrine, which is considered a symbol of Japanese militarism. In this temple honored the souls of those who gave their lives for Japan. The problem is that the list included those souls and the souls of war criminals convicted by the Tokyo Tribunal. The article details the history of the temple and attempted to address the roots of traditional religious attitude of the Japanese to honor the dead. Attempts to answer the question of why Japanese politicians visit this temple despite protests from neighbors.

Key words: Japanese national religion of Shinto, Japanese nationalism, Yasukuni Shrine, war criminals, the veneration of the dead, the Japanese mentality, the attitude of the Japanese to visit the Yasukuni Shrine.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта ДВО РАН № 12-1-ОНФН-01 «Национализм и этноконфессиональные факторы в формировании и реализации внутренней и внешней политики стран Северо-Восточной Азии на рубеже XX—XXI вв.».

Одним из главных аргументов в пользу того, что в Японии возрождаются национализм и милитаризм, служат посещения японскими политиками синтоистского храма Ясукуни, в котором почитаются воины, отдавшие жизнь за родину. Претензии возникают особенно активно, когда таким политиком оказывается премьер-министр: после визита в храм С. Абэ в декабре 2012 г. антияпонская кампания заметно усилилась. Последний раз (за 7 лет до С. Абэ) в Ясукуни был премьер-министр Д. Коидзуми.

Соседи Японии — Корея и КНР, наиболее пострадавшие от её агрессии — очень болезненно воспринимают эти визиты, рассматривая их как возрождение японского национализма и милитаризма. Нам представляется, что такая реакция носит, скорее, политический характер, обусловленный в первую очередь исторической памятью о Второй мировой войне, чем отражает объективную реальность. Действительно, трудно ответить на вопрос, зачем японцы это делают, зная, что посещения вызывают массу протестов в Корее и КНР. Без понимания религиозных традиций Японии, отличающихся от корейских и китайских, трудно объяснить причины визитов в Ясукуни.

Синтоистский менталитет японцев, а именно отношение к душам умерших вообще и погибших в войнах, в частности, вольно или невольно игнорируется их соседями. Главные претензии к японским политикам сводятся к тому, что в этом храме поминают души военных преступников, осуждённых Токийским трибуналом после Второй мировой войны. В этой связи, нам представляется, нужно внимательно рассмотреть, каковы религиозные воззрения японцев в целом и что представляет собой храм Ясукуни в рамках этого мировоззрения, в частности. Имеет ли это непосредственное отношение к национализму в политическом смысле?

Когда мы говорим о Японии, важно иметь в виду, что синто — стержень японского менталитета. Эти особенности необходимо учитывать в рамках традиционного религиозного самосознания японцев. Важно понимать, что оно значительно отличается от буддийских традиций, характерных для материковых стран (Китая, Кореи).

Прежде всего следует ответить на вопрос: что такое японская национальная религия синто, какое место она занимала и занимает в менталитете японцев изначально и в наши дни? Обычно словом «синто» называют комплекс верований, складывающийся в Японии с древнейших времён. В рамках рассматриваемой проблемы отдельно необходимо выделить проблему: как синто относится к умершим и к загробной жизни? Кроме того, важно понять, как же представляли древние японцы загробную жизнь.

Японцы склонны были видеть божества (*ками*) в самых различных проявлениях богатой и разнообразной природы Японии, которая для

них всегда была «страной богов». При переводе на иностранные языки это выражение может быть неверно понято как проявление фанатичного национализма, но изначальный смысл фразы не имеет с национализмом ничего общего [11].

В Японии существовали представления о том, что умершие уходят в горы или в подземный мир, в страну посмертного существования. Со смертью было связано такое понятие как *кэгарэ* — ритуальная нечистота от соприкосновения с мёртвым, его вещами, домом и т.п. Люди верили, что покойник уходит из общества в какие-то дальние края. Буддийских представлений о перерождении в Японии изначально не существовало, но постепенно вера в то, что покойник может становиться злым духом и обитать в аду, пришедшая вместе с буддизмом и даосизмом из Китая, распространилась и здесь. Ритуалы почитания умерших во многом были скопированы с аналогичных китайских, но важно иметь в виду, что почитание покойных предков как божеств является особенностью японской религии. Считалось, что покойный где-то вдалеке может очиститься от ритуальной нечистоты смерти и стать божеством.

В буддизме человек, находящийся в цикле смертей и рождений, может спастись через буддийские практики. Умерший сразу же перерождается в ином теле и снова живёт в этом мире. Не существует ни мира мёртвых, ни духов. Таким образом, представления о посмертии в буддизме и синтоизме были совершенно разными.

Вот так сформировались те воззрения населения Японии на жизнь и смерть, которые бытуют и поныне:

«После смерти человек становится духом, который ещё некоторое время пребывает поблизости.

Потом он переходит реку Сандзу на пути к загробному миру, после чего становится буддой.

Если у человека сохранилась сильная привязанность к чему-то в этом мире, или он был сильно обижен, разгневан и т.п., он может стать привидением.

За неправедные поступки человек может попасть в ад, где управляет владыка подземного мира Эмма, и там грешника мучают черти.

На праздник О-бон, который празднуется в середине августа, души предков возвращаются в свой дом.

Умершему присваивают посмертное имя, помещают табличку с именем в домашний буддийский алтарь буцудан, молятся за него и возжигают перед алтарём благовония» [11].

Именно из такого понимания в традиционной японской религии синто следует главная задача потомков — почитание и умиротворение предков. Не случайно многие исследователи считают основными функциями синто поклонение предкам и их успокоение [4, с. 171—172].

И в конечном итоге, если линия семьи прерывалась и предков некому было почитать, они могли стать *онрё* (мстительными духами) и преследовать тех, кто лишил их потомков.

В своё время отечественный востоковед Е.Г. Спальвин также отмечал, что в японской религии синто выделяются три верования, которые «находятся в основании всех форм постоянного поклонения предкам во всех климатах и странах: мёртвые остаются в этом мире, навещая свои могилы, а также свои прежние дома и участвуя незримым образом в жизни своих живых родственников; все мёртвые делаются богами в смысле приобретения сверхъестественной власти, но они сохраняют тот характер, который отличал их при жизни; счастье мёртвых зависит от почтительного служения, оказываемого им живыми, и счастье живых зависит от исполнения благочестивого долга по отношению к мёртвым» [5, с. 18]. Кроме того, исследователь выделяет ещё две особенности, по его мнению, более позднего происхождения. Это то, что каждое событие в мире, хорошее или плохое (прекрасные времена и обильные жатвы, наводнения и голод, бури и опустошения берегов морскими валами, а также землетрясения), является делом мёртвых; а также то, что все человеческие действия, хорошие или плохие, управляются мёртвыми. Поэтому Е.Г. Спальвин определяет синтоизм как культ богов и божественных предков, культ верности богам и мёртвым, который требует проявления верности и почитания, активного служения богам и мёртвым [5, с. 19].

Так было почти до конца XIX в., когда представления японцев о божествах сильно изменились под влиянием японского мыслителя Хирата Ацутанэ (1776—1843), создавшего теорию, названную по его имени хирата-синто. Хирата Ацутанэ утверждал, что люди после смерти не становятся буддами и к Жёлтому источнику не уходят, а становятся духами. Духи тех, кто погиб за свою страну, не осквернены ритуальной нечистой *кэгарэ* и охраняют последующие поколения людей. Такая реформаторская идея о том, что каждый человек имеет душу, которая сохраняет индивидуальность вечно, как говорят, пришла ему в голову после знакомства с китайским переводом запрещённой тогда Библии [11].

Согласно этой концепции, если любой человек становится духом, то даже если проводить буддийские церемонии по умершим — ведь каждый японец связан системой приписки к буддийским храмам — можно проводить и синтоистские поминальные службы, в том числе по погибшим в войнах. Правительственные войска, сражавшиеся за реставрацию Мэйдзи, воспользовались теорией хирата-синто и проводили обряды *сёконсай* — почитания душ погибших воинов. В 1869 г. в Токио возведено святилище Сёконся, которое впоследствии станет храмом Ясукуни. Это было религиозное учреждение, находившееся в ведении армейского и флотского руководства; в нём почитали тех, кто принял смерть

за восстановление императорской власти в ходе реставрации Мэйдзи. Это святилище, в котором в качестве божеств почитали обычных людей, положивших жизнь за свою страну.

Строго говоря, неправильно, что в зарубежных СМИ, как, впрочем, и в некоторых японских, храм Ясукуни подаётся как «милитаристское святилище». В действительности для многих японцев он, скорее, подобен памятникам революции или могилам неизвестных солдат.

Одна из функций хирата-синто и храма Ясукуни — воспитание нового поколения японцев, способных пожертвовать собой за свою страну. Для этого было необходимо отделить буддизм от синто. Такое разделение началось в конце периода Эдо и продолжилось в Мэйдзи движением *хайбуцу-кисяку*, буквально «избавиться от будд, уничтожить Шакьямуни», и указом 1868 г. об отделении буддийских храмов от синтоистских святилищ. Согласно распоряжению правительства, буддийские храмы были отделены от синтоистских и никаких компромиссов не позволялось. С реставрацией Мэйдзи появилось т.н. государственное синто, управлявшееся правительством. Это мировоззрение навязывалось всем японцам: как указывало Министерство образования, «синто пронизывает уклад повседневной жизни японцев и не является религией». Именно концепция государственного синто лежит в основе современной «проблемы Ясукуни» [7].

Существует традиционное представление о том, что синтоизм — это религия, представленная храмами, их служителями и прихожанами. Это узкое понимание синтоизма. В действительности же в государственном синто почитание императора было его важнейшей частью. Государственное синто распространялось не только через храмы, но и посредством школьных и гражданских мероприятий, через средства массовой информации. Это можно назвать сложившейся вместе с национальным государством новой формой синто, которая включила в себя идеологию *кокутай*, созданную в период Эдо.

В широком смысле *кокутай* обозначает политическую систему государства, но в Японии (особенно в довоенный период) оно имело особый смысл: «Священное государственное устройство, при котором народом правят императоры, являющиеся потомками небесных богов, пославших их на землю в начале времён». И поэтому понятие *кокутай* отражало представление о превосходстве Японии над прочими странами мира и служило до конца Второй мировой войны основанием для пропаганды национализма [7].

Какое же место занимает государственное синто в долгой истории синтоизма? Народное синто представляет собой несистематическую совокупность местных культов; в таком виде оно существовало долгое время, невозможно точно сказать, когда оно зародилось. Вероятно, какие-то из культов появились ещё в доисторические периоды Яёй

и Дзёмон, иногда их называют «древним синто». Но о начале императорского синтоизма можно говорить более определённо.

В конце VII — начале VIII в., в годы правления императора Тэмму и императрицы Дзито, создавалась система государственного управления, основанная на ритуале и праве, заимствованных из Китая. Так были заложены основы императорского синто. Позднее, в японском средневековье, буддизм набрал большую силу, и императоры, как синтоистские первосвященники, уже утратили прежнее значение для обычных людей в провинции. Впоследствии, в период Эдо, становилось всё больше сторонников идеологии *кокутай* с акцентом на важности императорского синто и теории единства религии и государства, которые и стали основой государственной идеологии в эпоху Мэйдзи.

Начиная с революции Мэйдзи и до Второй мировой войны Министерство образования Японии пропагандировало идею, что государственное синто — извечный обычай японского народа, а не религия. И потому вменяло в обязанность всем японцам совершать поклонение в храмах и школах вне зависимости от их религиозных убеждений, будь они буддисты или христиане. И наоборот, те направления в синто, которые не признавали поклонения императору, называли «религиозным синто» и относились к ним как к отдельным религиям [7].

После Второй мировой войны командование союзными оккупационными силами, управлявшее Японией в период оккупации, усматривало глубокую связь между японским милитаризмом, ультранационализмом и религией. В первую очередь, оно предприняло меры по отделению государства от религии, так как в этом слиянии командование видело корни идеологии милитаризма. 15 декабря 1945 г. оккупационные власти издали «Распоряжение о синто», потребовавшее прекращения государственной поддержки синто. В новогоднем распоряжении 1 января 1946 г. император Хирохито объявил о признании своей человеческой сущности, отрицая божественную природу императора.

В результате стало ясно, что система государственного синто распалась. Всё же и после войны синтоизм императорского дома в некоторой степени сохранился, а впоследствии возникали движения за восстановление связей между императорским синто и синто, существующим в святилищах, и за увеличение роли синтоизма в государственных мероприятиях. Таким образом, государственное синто существует и после 1945 г. Его поддерживают синтоистские храмы и религиозные организации, а также люди, как-то связанные с культом почитания императора. Конечно, по сравнению с довоенным временем это выражено не настолько явно, но государственное синто как идеология, унаследовавшая образ Японии как «Страны богов», до сих пор имеет много приверженцев. Однако следует помнить, что 20-я статья Конституции Японии «О свободе вероисповедания» говорит: «Свобода религии гарантируется

для всех. Ни одна из религиозных организаций не должна получать от государства никаких привилегий и не может пользоваться политической властью. Никто не может принуждаться к участию в каких-либо религиозных актах, празднествах, церемониях или обрядах. Государство и его органы должны воздержаться от проведения религиозного обучения и какой-либо религиозной деятельности» [6, с. 503].

Таким образом, Конституция определённо устанавливает, что никто не может быть принуждён к исполнению обрядов государственного синто и государство не может отводить особую роль государственному синто.

Часто говорят о нерелигиозности японцев, но на примере государственного синто мы видим, что в Японии религия довольно тесно связана с государством и обществом. Об этом не стоит забывать.

Традиционное японское представление о том, что человек после смерти становится божеством, послужило причиной постройки многих новых синтоистских храмов. Среди них — святилище Мэйдзи в Токио, где почитается император Мэйдзи; святилище Ноги, посвящённое генералу армии и военному герою Ноги Марэсукэ (1849—1912); святилище Того, в котором почитают адмирала Того Хэйхатиро (1848—1934) (генерал Ноги и адмирал Того известны своим участием в Японо-китайской войне 1894—1895 гг. и Русско-японской войне 1904—1905 гг.). Создавались и локальные святилища, где почитались выходцы из данной местности, погибшие в войнах.

Таким образом, в сознании японцев и после войны сохраняются восприятие умерших как божеств и вера в души героев, погибших за свою страну [11].

Более подробно рассмотрим феномен храма Ясукуни и зарождение его культа. Говоря о Ясукуни, следует иметь в виду, что в основе его культа лежало не традиционное «народное синто», зародившееся в древности (основа менталитета японцев), хотя, конечно, оно играло важнейшую роль, а «государственное синто», сложившееся при образовании государства Мэйдзи, которое и привело к формированию культа храма Ясукуни. Конкретная традиция почитания павших на войне в Японии восходит к почитанию солдат, погибших в гражданских волнениях до и после реставрации Мэйдзи в 1868 г., когда силы, поддерживающие сёгунат Токугава, безуспешно боролись со сторонниками восстановления императорской власти. Таким образом, погибшие на стороне императора до реставрации Мэйдзи считаются павшими за исполнение воли императора. А погибшим в гражданской войне, которая длилась полтора года после создания в 1868 г. нового императорского правительства, был присвоен статус «верных вассалов», сложивших головы за своего хозяина. Как мы видим, ни в первом, ни во втором случае почитание не было связано с понятием «родины», присущим национальным государствам.

Впоследствии именно это стало основным противоречием в вопросе почитания павших в Японии [12]. Из святилищ, где почитали солдат различных княжеств, причислявших себя к правительственным войскам, воевавших за свержение сёгуната, и была создана система почитания душ верных вассалов в храме Ясукуни в качестве центрального святилища культа. Это был культ почитания воинов, погибших за императора и империю, но эти воины ещё не воспринимались как символ, объединяющий страну. Погибших чтили как местных героев, но не связывали их со всем государством.

Таким образом, появляется специфически японский культ почитания национальных героев, окончательно сформировавшийся уже после войны с Циньской империей (1894—1895 гг.). На этом этапе окончательно закрепляется форма ритуала поминовения павших, а впоследствии его укреплению способствуют милитаризм и национализм, выросшие во время военных действий за пределами страны против других народов — завоевания Тайваня (1895—1902), подавления восстания ихэтуаней (1899—1901), Русско-японской войны (1904—1905). То есть формируется общеяпонская система почитания погибших воинов, в которой сосуществуют два различных вектора: обожествление павших и почитание их в святилище Ясукуни на государственном уровне в имперской Японии и локальное народное почитание воинов, основанное на местных традициях и культуре и связанное с понятием *куни* (область или провинция в старой Японии) [12].

С приходом к власти милитаристов в 1930-е гг. почитание павших стало встраиваться в систему государственной идеологии. Это проявилось в движении за сооружение мемориалов и за строительство местных *гококу-дзиндзя* — «святилищ богов, защищающих страну». Но насколько видно по кладбищам погибших в войне в различных городах и деревнях, милитаристское почитание павших не проникло в народные массы.

Только после Второй мировой войны с организацией Общества семей погибших почитание павших в войне в святилище Ясукуни стало обретать более выраженный народный характер. С другой стороны, на уровне посёлков и деревень всё так же устраивались кладбища павших в войне. То есть особенность культа павших после Второй мировой войны — в его двойственности, когда, с одной стороны, павших почитают в святилище Ясукуни как героев, и с другой — на местах сохраняется традиционный способ почитания, заключающийся в оплакивании и покаянии. Обе разновидности культа основываются на устремлениях к миру [12].

Особенность послевоенного почитания павших связана с резким изменением системы ценностей японцев и их отношения к войне, поражение в которой оставило им выжженную землю и многочисленные потери. Заключается она в том, что раскаяние в войне и её неприятие, стремление к миру и послевоенный пацифизм подвигли на создание

новых государственных учреждений в память погибших, проводились церемонии почитания погибших, в т.ч. и жертв среди мирного населения. В 1959 г. было основано первое государственное кладбище погибших в войне за рубежом — Тидоригафути, которое является единственным учреждением общенационального уровня, проводящим церемонии почитания памяти погибших. Помимо этого существуют кладбище жертв войны на Окинаве, мемориальные залы мира памяти жертв атомной бомбардировки Хиросимы, Нагасаки, за рубежом, в различных местах военных действий, а также местах, связанных с судьбой пленных японцев.

После войны стали проводиться церемонии в память о жертвах, включая обычных граждан, и наиболее ярким примером является Церемония памяти жертв войны общенационального уровня, которую ежегодно проводит правительство в день окончания войны — 15 августа. В ходе этой церемонии чтят память всех погибших, начиная с военных действий в Китае в 1937 г. Жертвы более ранних войн имперской Японии в ней не упоминаются. Почитание погибших в других войнах оставлено на местные общины, организации родственников погибших, интернированных, сослуживцев, переселенцев и пр. Многие из обрядов почитания памяти погибших проводят в традиционных для японской культуры формах.

Таким образом, в Японии особенность почитания памяти павших во время войн заключается в том, что оно началось с почитания душ верных вассалов, и потому возникли два слоя культа почитания павших: центральный и местные, идеологически отличные от центрального (общенационального). Эти две разновидности культов сосуществовали, не мешая и взаимно дополняя одна другую. При этом обе появились из общей японской культурной традиции [12].

Таким образом, происхождение храма Ясукуни восходит к Реставрации Мэйдзи. В июне 1869 г., через месяц после окончания гражданской войны Босин, приведшей к свержению сёгуна Токугава и восстановлению имперского правления, по указу императора Мэйдзи в Токио был построен храм Сёконся, возведённый в честь проправительственных войск, погибших в боях. Спустя десять лет он был переименован в храм Ясукуни. Император предложил название Ясукуни, что означает «установление мира в стране». До Второй мировой войны синтоистские храмы, как правило, управлялись Министерством внутренних дел. Но Ясукуни был отнесён к категории специального правительственного храма и управлялся военным и военно-морским министерствами. Божества, закреплённые в храме, не были мифическими или историческими фигурами, они погибли на войне, отдав свои жизни для блага нации. Ясукуни отличается от традиционных храмов тем, что он не содержит ни останков погибших, ни мемориальных досок для них. Души погибших на войне, которым поклонялись в храме, закреплялись коллективно

списками. В храме Ясукуни закреплялись не только военные и гражданские лица, служащие на военной службе, но и чиновники, гражданские лица и курсанты. В конце Японо-китайской войны (1894—1895) Русско-японской войны (1904—1905), Японо-китайской войны (1937—1945 гг.) и Второй мировой войны (1939—1945) проводились обряды закрепления в храме погибших, и их семьи были приглашены на церемонии. Таким образом, храм Ясукуни стал местом почитания памяти погибших на войне. Известно, что пилоты-камикадзе размещали амулет Ясукуни под головными повязками и обещали встретиться вновь в храме. В письме к своей маленькой дочке один пилот писал: «Приезжайте в Кудан (Ясукуни), когда вы захотите видеть меня, после того как вы станете взрослыми» [14].

После поражения Японии во Второй мировой войне была издана Директива о Синто в 1945 г., отделившая синто от государства. Некоторые чиновники из Штаба оккупационных войск предлагали сжечь Ясукуни, но этого не сделали, и в 1946 г. храм был объявлен обычным религиозным учреждением в соответствии с государственными законами. Определённую роль в сохранении храма сыграл и Папа Римский. Его представитель в Японии заявил, что государство имеет долг и право проявлять уважение к людям, пожертвовавшим жизнью ради страны. Оккупационные войска сохранили храм Ясукуни [10, с. 44].

В 1952 г. после окончания оккупации японский суверенитет восстановили, и по инициативе семей погибших началась синтоистская кампания для коллективного закрепления в храмах всех погибших на войне — около 2 млн человек.

В 1956 г. было выдано уведомление о коллективном закреплении имён погибших в храмах во всех префектурах, в котором указывалось, что всех умерших при исполнении служебных обязанностей закрепят в храме Ясукуни. Министерство составило список имён и отправило его храм, где он и был официально закреплён.

Тогда же активизировались требования общественности, чтобы Ясукуни поместили под государственное управление. В 1969 г. Либерально-демократическая партия представила в парламент законопроект о переводе храма под контроль государства, но он был отозван из-за жёсткой конфронтации между консервативными и прогрессивными силами. Подобные законопроекты представлялись в парламент пять раз вплоть до 1973 г., но ни один не приняли [14].

Ситуацию с храмом Ясукуни осложнил тот факт, что в нём коллективно закреплялись военные преступники во главе с премьер-министром генералом Х. Тодзио, осуждённые Международным военным трибуналом для Дальнего Востока (также известен как Токийский трибунал) за преступления против мира и другие зверства в планировании и осуществлении агрессивных войн. Их отнесли к группе военных преступников класса А. Правительство Японии и правящие партии часто

обсуждают вопрос о переносе душ четырнадцати таких преступников, закреплённых в храме Ясукуни, в новый храм — именно из-за критики со стороны Китая и других стран, вызванной поездками премьер-министров в Ясукуни. Генеральный секретарь Кабинета министров Ясуо Фукуда заявил: «Нам нужен национальный, нерелигиозный, постоянный объект для всего народа, чтобы почитать память погибших на войне и молиться за мир» [13].

Тот факт, что преступники класса А закреплены в списках храма вместе со всеми погибшими на войне, стал известен в 1979 г. Китайское правительство начало критиковать посещения японскими правительственными чиновниками храма 15 августа 1985 г., когда бывший премьер-министр Накасонэ Ясухиро с официальным визитом посетил храм Ясукуни. Именно Я. Накасонэ, перестав посещать святыню в 1986 г., стал искать способ закрепить 14 военных преступников в другом месте, но его усилия не увенчались успехом из-за оппозиции представителей синто и семей погибших [13]. Храм Ясукуни выступает против этого предложения, заявив, что доктрина синто не позволяет переносить духов, которые были когда-то коллективно закреплены, из храма, где они были закреплены.

Процедура, по которой погибшие на войне регистрируются коллективно, заключается в следующем: 1) имена и адреса погибших записываются тушью на традиционной японской бумаге васи; 2) проводится церемония, чтобы вызывать духов умерших и соединить их с их именами на бумаге; 3) список размещается в храме. Чиновники храма Ясукуни считают, что невозможно отделить группу из общего списка, подобно тому, как невозможно «вернуть жидкость в чашку после заливки её в бак с водой». Священники говорят, что это «как огонь со свечи перенести на другую свечу, базовый огонь так же горит, как и перенесённый». Духи всё равно останутся в Ясукуни. Можно скопировать всю группу, а не конкретных духов [10, с. 148—149]. Даже если семьи погибших будут просить храм отделить этих духов и перенести в другое место, священники им откажут, ибо такое действие невозможно в рамках синтоистской доктрины. А если правительство внесёт такое предложение, то это станет нарушением статьи 20 Конституции, которая провозглашает отделение религии от государства. Другими словами, правительство не может заставить храм Ясукуни перенести преступников класса А в другое место, как это предложил Я. Накасонэ и ряд оппозиционных партий.

Интересно, что китайские и южнокорейские власти в течение 40 лет не имели ничего против посещений храма премьер-министром Ёсида и другими чиновниками в 1950—70-е гг. Император Сёва был в Ясукуни восемь раз после войны (последний визит — 21 ноября 1975 г.) [14]. Правительство: премьер-министры Охира Масаеси, Судзуки Дзэнко и На-

касонэ Ясухиро, — посещало храм даже после обнародования в апреле 1979 г. информации о том, что в нём закреплены души военных преступников. Резкую обструкцию КНР и Республики Корея вызвал официальный визит премьер-министра Я. Накасонэ 15 августа 1985 г.

Резкие протесты Китая обеспокоили японскую политическую элиту, и Я. Накасонэ больше не посещал храм, чтобы не обострять японо-китайские отношения. Будучи премьер-министрами, Такэсита Нобору, Уно Сосукэ, Кайфу Тосики, Хосокава Морихиро, Хата Цутому, Мурояма Томиити, Обути Кэйдзо и Мори Ёсиро, в Ясукуни не бывали.

В 1996 г. премьер-министр Хасимото Рютаро посетил храм в день его рождения. Заняв пост премьер-министра, Д. Коидзуми с 13 августа 2001 г. бывал в Ясукуни каждый год. Это резко обострило японо-китайские отношения: по мнению японской стороны, Китай использовал Ясукуни в качестве разменной дипломатической и политической карты [10].

Сменивший Д. Коидзуми на посту премьер-министра Синдзо Абэ ранее отказывался от посещения Ясукуни, чтобы не провоцировать возможные международные скандалы. Однажды он прислал храму символический дар — бонсай. Таким образом, ему удалось избежать международных осложнений, одновременно показав, что он чтит память погибших в войнах японцев. С. Абэ, вернувшийся на пост премьер-министра в 2012 г., посетил храм Ясукуни 26 декабря 2013 г. в качестве премьера. Это произошло спустя семь лет после ухода в отставку Д. Коидзуми, что опять вызвало протест КНР и Южной Кореи.

Интересно, что в этот раз США выразили разочарование посещением храма, так как это вызвало ухудшение отношений с соседними странами. При посещениях храма Д. Коидзуми официальных протестов со стороны США не было. Критика действий Японии была необычной реакцией Соединённых Штатов, как и реакция других европейских стран. И даже министр иностранных дел России С. Лавров высказал неодобрение поступка С. Абэ. Раньше Китай поддерживала главным образом Южная Корея, в этот раз — союзники Японии (США, ЕС) и Россия, что очень понравилось КНР.

Немногим позже, 20 апреля 2014 г., храм посетил другой высокопоставленный японский чиновник — председатель национальной Комиссии по вопросам общественной безопасности, государственный министр по вопросу похищения японских граждан Кэйдзи Фуруя, а ещё через два дня, 22 апреля, в храм прибыло сразу 146 депутатов из обеих палат парламента Японии. Кроме того, Ясукуни посетили и некоторые члены правительства.

Однако Синдзо Абэ в этот раз не был в синтоистском храме в связи с годовщиной окончания Второй мировой войны 15 августа, ограничившись отправкой туда своего помощника Коити Хагиуда, который сделал подношение храму лично от лидера Либерально-демократической

партии Японии. Хагиуда сказал журналистам, что Абэ попросил его произнести от его имени молитву в память погибших за страну, а также помолиться за вечный мир.

Из членов правительственного кабинета 15 августа поклонение в храме Ясукуни совершили министр по делам местной автономии Ёситака Синдо и председатель государственного комитета общественной безопасности Кэйдзи Фуруя.

Посмотрим результаты опросов общественного мнения в Японии относительно последнего визита С. Абэ в храм Ясукуни. Это поможет понять настроения японцев, особенности их традиционного менталитета, базирующегося на канонах синто, и его отличие от менталитета других соседних народов, в т.ч. КНР и РК. Так, по результатам опроса, проведённого телекомпанией TBS 28 декабря 2013 г., 71,2% респондентов поддержали посещение Абэ храма Ясукуни и только 28,8% посчитали этот шаг нецелесообразным [8]. Опрос, проведённый японским порталом Yahoo, дал результаты 76,3 и 23,7% соответственно. Результаты опроса, проведённого агентством Кёдо цусин, были немного другими: 43,2% поддержали премьер-министра, а 47,1% — нет [2].

Показательны результаты опроса, проведённого газетой «Асахи», которая учитывала возрастные отличия и знание респондентами исторической сути проблемы. Так, визит С. Абэ поддержали 60% двадцатилетних японцев и 59% тридцатилетних. Особенно интересно то, что 56% двадцатилетних и 80% тридцатилетних при этом знают, что в храме почитаются души тех, кто объявлен военными преступниками, в т.ч. генерала Х. Тодзио. Не знают соответственно 43% и 15%. При этом 45% и 55% молодых респондентов признают действия Японии во время войны агрессивными и тем не менее оправдывают визиты в храм [3]. По мнению Ода Тосио, одного из специалистов по проблеме Ясукуни, это объясняется японским менталитетом: японцы ненавидят преступников (точнее их преступления), но не должны ненавидеть сами личности, так как их казни достаточно, чтобы заплатить за преступления [15].

Правда, проведённый через месяц телефонный опрос среди жителей Японии зафиксировал, что визит С. Абэ в Ясукуни поддержали 41%, а 46% посчитали, что не стоило этого делать. В 2006 г. такой же опрос показал, что 49% поддерживают действия премьер-министра Д. Коидзуми и 37% — нет [3].

Таким образом, знания исторических реалий не помешали опрошенным, в т.ч. и молодёжи, поддержать посещения С. Абэ храма Ясукуни, что подтверждает мысль об особенностях менталитета японцев. И речь идёт не о том, что молодёжь пронизана милитаризмом, национализмом, а скорее, о глубоком проникновении в души японцев традиционной японской религии. Конечно, в определённое время синто, точнее, государственное синто использовалось для пропаганды политических

лозунгов, в т.ч. и националистических. Но в сердце японцев глубоко коренятся традиции, зародившиеся задолго до появления милитаризма и национализма. И, возможно, именно эти корни толкают японских политиков на странные (с неапонской точки зрения) поступки.

Видимо, эти настроения подвигли С. Абэ сделать специальное заявление по поводу посещения Ясукуни: «Япония больше никогда не должна начинать войны. Это моё убеждение основано на остром раскаянии за прошлое. Стоя перед душами погибших, я обновил свою решимость твёрдо держаться клятвы об отказе от войны» [5].

Хочется верить, что это искреннее мнение всех японцев.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Абэ сюсё но ясукуни сампай. Нетто сэрон но 8 вари га сидзи = Посещение премьер-министром Абэ храма Ясукуни. Опрос общественного мнения. 80% поддерживают. URL: <http://bylines.new.yahoo.co.jp/kimuramasato/10231230-00031149> (дата обращения: 29.04.2014).
2. Абэ сюсё но Ясукуни дзиндзя санпай ва дакё? = Является ли посещение премьер-министром Абэ храма Ясукуни компромиссом? URL: <http://polls.dailynews.yahoo.co.jp/domestic/10611/result> (дата обращения: 29.04.2014).
3. Асахи. 2014. 27 янв. (электронная версия). URL: <http://www.asahi.com/articles/ASG1W3TY3GIWUZPS001.html> (дата обращения: 29.04.2014).
4. Габинский Г.А. Теология и чудо. Критика богословских концепций. М., 1978. 280 с.
5. Заявление премьер-министра Японии С. Абэ «Клятва в вечном мире» (26 декабря 2013 г.) URL: <http://www.ru.emb-japan.go.jp/POLICIES/PERFORMANCE/PRIMEMINISTER/20131227.html> (дата обращения: 09.08.2014).
6. Конституция Японии // Современная Япония. М., 1968. С. 499—517.
7. Симадзono Сусуму. Японцы и религия: «нерелигиозность» и «подобие религии». URL: <http://www.nippon.com/ru/in-depth/a02901/?pnum=2> (дата обращения: 11.06.2014).
8. Сайт телекомпании ТВС (Япония). URL: www.tbs.cj.jp/jouhou7/vote (дата обращения: 29.04.2014).
9. Спальвин Е.Г. Конфуцианские идеи в этическом учении японского народа. Речь, произнесённая на торжественном акте по случаю празднования десятилетия Восточного института 21 октября 1909 г. Владивосток, 1913. С. 18.
10. Сэки Хэй. Кикадзин га мита Ясукуни дзиндзя но субэтэ = Всё о храме Ясукуни глазами натурализовавшегося. Токио: Кайрюся, 2014. 223 с.
11. Хасидзумэ Дайсабуро. Японцы и боги. URL: <http://www.nippon.com/ru/in-depth/a02902/> (дата обращения: 15.07.2014).
12. Хияма Юкио. Святителище Ясукуни: как в Японии почитают погибших на войне. URL: <http://www.nippon.com/ru/in-depth/a02402/> (дата обращения: 17.08.2014).
13. Explainer: The Yasukuni issue // Nikkei ASIAN REVIEW. 2014. 6 January. URL: <http://asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/What-is-Yasukuni-issue> (дата обращения: 19.07.2014).
14. Yasukuni: Behind the Torii: From government-run shrine for war heroes to bone of contention. By The Yomiuri Shimbun The Asia-Pacific Journal: Japan Focus, July 11, 2005. URL: <http://www.japanfocus.org/-Yomiuri-Shimbun/1967> (дата обращения: 12.08.2014).
15. The Issue of Yasukuni Shrine (FAQ) by Watanabe Ryuji / translated by Oba Toshio. URL: <http://www.jiyuushikan.org/e/yasukuni.html> (дата обращения: 29.07.2014).